
Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research

---

Has been issued since 2014.
ISSN 2411-3239, E-ISSN 2413-7588
2016. Vol.(9). Is. 3. Issued 4 times a year

EDITORIAL BOARD

Cherkasov Aleksandr – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation (Editor-in-Chief)

Mitiukov Nicholas – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation (Deputy Editor in Chief)

Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Natolochnaya Olga – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

Taran Konstantin – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

Sarfo Jacob – KAD International, Effiduase-Koforidua, Eastern Region, Ghana

Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Journal is indexed by: **CrossRef** (UK), **E-library** (Russia), **Journal Index** (USA), **MIAR** (Spain), **Open Academic Journals Index** (Russia).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal36.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 20.09.16.
Format 21 × 29,7/4.

Headset Georgia.
Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Order № INJ-9.

© Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research, 2016

J. Int. Netw. Cent. Fundam. Appl. Res.

2016

Is.

3

Journal of International
Network Center for Fundamental
and Applied Research

J. Int. Netw. Cent. Fundam. Appl. Res.

2016

№ 3

Издается с 2014 г.
ISSN 2411-3239, E-ISSN 2413-7588
2016. № 3 (9). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Черкасов Александр – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация (Главный редактор)

Митюков Николай – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация (Заместитель главного редактора)

Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Натолочная Ольга – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

Таран Константин – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

Сафро Джейкоб – КАД интернешнл, Эфибуазе, Гана

Шмигель Михал – Университет Матей Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал индексируется в: **CrossRef** (Великобритания), **E-library** (Россия), **Journal Index** (США), **MIAR** (Испания), **Open Academic Journals Index** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal36.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Подписано в печать 20.09.16.
Формат 21 × 29,7/4.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.

Заказ № INJ-9.

© Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research, 2016

C O N T E N T S

Articles and Statements

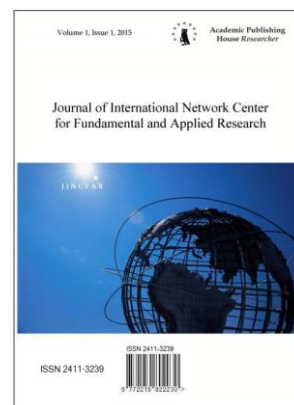
The Problem of Sedentarization of the Kalmyk People in the Context of Government Plans to Modernize its Management and Socio-Economic Way of Life (Middle of XIX – First Third XX Century) Sergei S. Belousov	115
The School of Ensigns Infantry in Georgia during the First World War of 1914-1918: Historical and Statistical Research Mamuka Gogitidze, Iya Shiukashvili	123
The Infrastructure of Sochi Resort in 1961-1984 years Aleksandr M. Zaitsev	129
«Circassian Question»: Past in Present Amiran T. Urushadze	139

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-3239
E-ISSN 2413-7588
Vol. 9, Is. 3, pp. 115-122, 2016

DOI: 10.13187/jincfar.2016.9.115
www.ejournal36.com

Articles and Statements

UDC94 (47): 073 + 084.6

The Problem of Sedentarization of the Kalmyk People in the Context of Government Plans to Modernize its Management and Socio-Economic Way of Life (Middle of XIX – First Third XX Century)

Sergei S. Belousov ^a

Institute of socio-economic and humanities research Southern scientific center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
E-mail: sbelousovelista@mail.ru

Abstract

In article on the basis of archival documents the article considers the role and place of the process of sedentarization in the government's plans for transforming the management and socio-economic way of life of the Kalmyk people during the XIX–first third XX century The author conducted a comparative analysis of Imperial and Soviet models of sedentarization of the Kalmyk people, highlighting their similarities and differences. The author notes that the Central authorities and the Imperial and Soviet era policies of sedentarization in Kalmykia was guided primarily by the goals of incorporation and modernization of the region.

Keywords: sedentarization, Kalmykia, public policy, nomads, integration, modernization.

Введение

В отечественной и зарубежной науке проблема седентаризации калмыцкого народа в контексте модернизации его управления и социально-экономического уклада жизни специально не исследовалась. Отдельные её аспекты нашли отражение в работах отечественных авторов, но обобщающего исследования, охватывающего все стороны данной проблемы и длительный временной отрезок времени, ещё не проведено. Большинство отечественных исследователей рассматривало данную проблему сквозь призму государственной школы или с позиций марксизма, по нашему же мнению политику российского и советского правительств по седентаризации калмыцкого народа целесообразнее рассматривать с позиций модернизационной парадигмы.

Материалы и методы

При подготовке данной статьи были использованы в основном материалы Российского государственного исторического архива (РГИА) и Национального архива Республики Калмыкии (НА РК).

Исторический опыт политики седентаризации представляет не только интерес для научного сообщества, прежде всего, в контексте изучения особенностей региональной

политики, но и может быть в определенной степени полезным для органов государственной власти, непосредственно занимающихся проблемами повышения эффективности внутренней политики и укрепления государственного единства страны.

В процессе исследования был применён метод историко-сравнительного анализа, позволяющего путем сопоставления выделить общее и особенное в политике российского руководства на различных исторических этапах.

Обсуждение

В XVII – XVIII вв. российское государство не ставило в качестве своей главной задачи в Калмыкии создание сети оседлых поселений с целью изменения его экономического и социокультурного облика. Калмыки, будучи кочевым народом, не проявляли стремления к переходу на осёдлый образ жизни, не были заинтересованы в этом и российские власти, считавшие, что кочевой образ жизни калмыков лучше всего отвечает интересам защиты южных границ страны. Попытки отдельных представителей калмыцкой знати перейти к осёдлому образу жизни вызывались не объективными обстоятельствами, а субъективными факторами. В таких случаях калмыков старались селить за пределами территории кочевания основной массы их сородичей, в целом негативно воспринимавших отход от традиционного уклада жизни.

После откочевки в 1771 г. в Джунгарию большей части калмыков их военный потенциал сильно сократился, и российское руководство взяло курс на постепенную инкорпорацию оставшейся части калмыцкого народа в российское социокультурное пространство. Эта политика стала реализовываться в первой половине XIX в. и её конечной целью являлась инкорпорация Калмыкии в российское социокультурное пространство и создание необходимых условий для её модернизации, при этом одним из главных инструментов достижения этого выступала политика седентаризации.

Путём перевода калмыков на осёдлый образ жизни правительство стремилось изменить социокультурные параметры традиционного калмыцкого общества, преодолеть моноотраслевой характер структуры экономики Калмыкии, улучшить природный ландшафт степи (облесение и обводнение), заселить сухопутные пути сообщения, образовать в Калмыцкой степи восточнославянские анклавы населения. Иными словами, поселенческая политика российских властей на калмыцких землях носила комплексный характер и была ориентирована на их интеграцию с остальной частью России и подготовку условий для их модернизации.

В первой половине 1840-х гг. была разработана специальная программа, в основу которой были положены соображения сенатора, князя П.П. Гагарина, высказанные им после завершения в 1844 г. ревизии управления калмыцким народом. Основательно познакомившись с системой попечительской власти и с другими материалами, он пришёл к выводу, что эффективное преобразование калмыцкого управления невозможно без перевода калмыков на осёдлость. Именно кочевая жизнь, по глубокому убеждению сенатора, породила многочисленные болезни и бедность калмыков, которая толкала их на воровство и другие противоправные поступки. «До сих пор все попечения – писал он – направлены к тому, чтобы образовать управление калмыцким народом, но от того, что суд Зарго будет отдельный, или что дела его войдут в общий состав губернского судебного управления, народ не сделается ни богаче, ни трудолюбивее, пустынные степи, представленные в его пользование, ни оживятся, ни обрабатываются, сообщения, в которых так нуждается край, не улучшатся» [1].

Выход из создавшегося положения Гагарин видел в переводе калмыков на осёдлый образ жизни. Эта мера должна была кардинальным образом изменить жизнь калмыцкого народа, сделав её, с одной стороны, более обеспеченной, с другой – способствовать приобщению калмыков к русской культуре и православной религии.

По мнению сенатора, водворение калмыков следовало проводить поэтапно, разместив их для начала вдоль шести наиболее значимых для государства дорог. Это позволило бы решить проблему освоения важных для России в геополитическом отношении трактов и лучше контролировать процесс оседания калмыков. Чтобы помочь калмыкам быстрее освоиться с их новым положением и научить их занятию земледелием, Гагарин считал целесообразным поселить вместе с ними государственных крестьян [2].

Высказанные князем П.П. Гагариным в ходе ревизии калмыцкого управления предложения о направлении и способах преобразований в Калмыкии заинтересовали Министерство государственных имуществ. Прежде всего, в плане Гагарина привлекало то, что ему удалось удачно свести воедино две ранее отдельно рассматривавшиеся важнейшие проблемы региона: перевод калмыков на осёдлость и заселение имевших стратегическое значение дорог, связывавших Нижнее Поволжье с Северным Кавказом (Царицынско-Ставропольский и Астраханско-Кизлярский тракты).

30 декабря 1846 г. император Николай I подписал указ «О заселении дорог на калмыцких землях в Астраханской губернии» [3] и одноименную инструкцию, которые предусматривали создание вдоль 6 дорог на калмыцких землях 44-х населенных пунктов, с поселением в каждом из них по 50 крестьянских и 50 калмыцких семей. В документах особо подчеркивался сугубо добровольный характер поселения калмыков и крестьян, вопрос стоял о переводе на осёдлость только части калмыцкого народа, пример успешного поселения которой в будущем должен был послужить примером для остальных калмыков.

Реализация правительственной программы 1846 г. продолжалась в течение 30 лет, с 1846 по 1876 гг., и, хотя не все её пункты были выполнены, главная цель – создание оседлых поселений вдоль дорог – была достигнута.

Вместе с тем заселение дорог со всей очевидностью выявило и недостаточную продуманность правительственной программы, проистекавшую, главным образом, из-за отсутствия подробных сведений о колонизационном потенциале калмыцких земель. В результате, вместо запланированных 44 населенных пунктов, было образовано всего 25.

Не увенчалась успехом попытка реализации пункта программы, касающегося перевода части калмыков на оседлый образ жизни. Провал плана перевода калмыков на оседлость в определённой степени был закономерен. Трудно было надеяться привлечь традиционных кочевников к оседлости посредством приучения их к земледелию в местности, где для этой отрасли не имелось благоприятных природных условий. Превратить же калмыков в оседлых скотоводов, даже предоставив им 30-60 десятинные наделы, не позволял экстенсивный характер их хозяйств. Важно отметить, что переходу на осёдлость не способствовала и существующая система землепользования и отсутствие чётких внутренних границ в Калмыцкой степи. Главным их недостатком было то, что они не стимулировали закрепление калмыцкого населения за чётко определённой территорией, без чего невозможен переход к оседлой жизни. Чтобы заставить калмыков сменить свой традиционный образ жизни для начала надо было изменить систему землепользования и административное устройство: эти меры позволили бы создать необходимые предпосылки для перехода на оседлость. В противном случае побудить калмыков перейти на оседлость могли только чрезвычайные обстоятельства, такие, например, как резкое сокращение их земельных владений.

В целом успешным следует признать обустройство в Калмыцкой степи русских и украинских крестьян, которыми была создана вдоль дорог сеть стационарных поселений. Ими были привнесены на территорию Калмыкии начала земледелия и оседлая культура. Кочевое население Калмыкии было знакомо с оседлостью и земледелием ещё до появления переселенцев, однако существовали они в зачаточном виде, и только с появлением переселенческих сел, они прочно укоренились в Калмыцкой степи.

Большое значение переселения имели для самих крестьян, большинство из которых благополучно устроились на новом месте, зажив более обеспеченной, чем на их исторической Родине жизнью.

Не решив проблемы осёдлости, переселения, тем не менее, не прошли для калмыков бесследно. Но влияние это было двоякого рода: с одной стороны, изъятия земель под поселения сузили возможности для развития экстенсивного скотоводства и вынудили часть калмыков искать другие источники существования, и, как следствие, менять привычный хозяйственный уклад и образ жизни; с другой стороны, переселенцы продемонстрировали положительный пример создания стационарных поселений в суровых условиях Калмыцкой степи. В обоих случаях это способствовало переходу калмыков на осёдлость, и показателем необратимости этого процесса служит факт неуклонного роста, начиная с 60-х гг. XIX века, числа перешедших на оседлый образ жизни калмыков.

В 1920–1930-е гг. проблему создания широкой поселенческой сети в Калмыкии и перевода калмыцкого народа на оседлость пришлось решать уже пришедшим к власти в октябре 1917 г. большевикам. Как и предшествующее российское руководство, они считали кочевой образ жизни тормозом социально-экономического и культурного прогресса. Седентаризация калмыцкого населения рассматривалась компартией в русле общей национальной политики, постоянно противопоставлявшийся имперской политике российских властей. Согласно советской концепции национальной политики нерусские народы в прошлом подвергались угнетению со стороны российских властей, и только новая власть смогла ликвидировать это угнетение, сделав их равноправными с русским народом и открыв для них широкие горизонты для их развития. В решении национального вопроса советское государство считало главным преодоление социально-экономической и культурной отсталости нерусских народов и приобщение их к идеям социализма, для достижения которых требовалось создание нового политического ландшафта, с главными действующими лицами из числа «угнетаемых в прошлом народам» [4, 191].

В Калмыцкой автономной области вопрос вовлечения калмыков в социалистическое строительство тормозился многими факторами, главным из которых власти считали кочевой образ жизни. Советским властям пришлось действовать в иной социально-экономической и политической обстановке, что не могло не наложить свой отпечаток на процесс создания поселенческой сети. Начало процесса массового оседания калмыков в 1920-е гг. было связано с последствиями Гражданской войны и голода 1921 г., вызвавших деградацию калмыцкого скотоводства и обнищание населения, в то время как реализация имперской правительственной программы в середине XIX в. по заселению дорог и перевода калмыков на оседлость осуществлялась в условиях стабильного развития калмыцкого общества.

Многие разорившиеся кочевники-скотоводы, чтобы выжить, вынуждены были переселяться в приморскую и приволжскую части Калмыкии, на Ергени и менять специализацию своих хозяйств, осваивая занятия связанные с ведением оседлого образа жизни, прежде всего, рыболовство и земледелие. Это процесс носил массовый и стихийный характер и вызвал тревогу у местных властей. Кочевники основывали поселения в понравившихся им местах, зачастую не имея полного представления об их природных свойствах, иногда такие самовольные водворения приводили к земельным конфликтам с соседним населением. Усилению тенденции к оседлости способствовало также установление нового порядка землепользования в 1924 г., закрепившее за каждым хозяином определенную территорию [5]. Об успехах перехода калмыков на оседлый образ жизни свидетельствовали следующие цифры: если в 1909 г. в Калмыкии кочевыми и полукочевыми были в области 19811 хозяйств (88,3% от их численности), то в 1924 г. таких было уже 15410 хозяйств (66,4 % от их общей численности) [6].

В 1923 г. ЦИК Калмообласти обратил внимание правительства на начавшийся процесс стихийного перехода калмыков к оседлому образу жизни и предложил это движение взять под государственный контроль. Руководство области запросило кредитов на это дело, однако в Госплане посчитали целесообразным вначале провести специальное обследование территории области «с целью установить, как размер оседания калмыков, так и целесообразность перехода к земледелию при наличии хозяйственных и экономических условиях» [7].

В 1924 г. Народный комиссариат земледелия РСФСР снарядил в область Поволжскую колонизационно-мелиоративную экспедицию, которая собрала ценные материалы о природных ресурсах и социально-экономической обстановке в Калмыкии, легшие в основу планирования её развития. Экспедиция подтвердила выводы руководства области о массовом характере процесса перехода к оседлости калмыков и о его неуправляемости со стороны государства. Проблему оседания калмыцкого народа и перестройки в связи с этим его хозяйственного и бытового уклада жизни она напрямую увязывала с вопросом дальнейшего существования калмыцкого народа [8].

Основываясь на материалах экспедиции, руководство области полагало немедленно приступить к организации поселения калмыков в новых стационарных населенных пунктах, в числе первоочередных мер было намечено провести сплошное землеустройство

территории и оказать хозяйственную помощь калмыкам, переходящих к осёдлому образу жизни.

Для решения задачи был разработан «Генеральный план обоседления кочевого населения Калмыцкой автономной области в целях перехода к скотоводческо-земледельческому хозяйству». По нему предстояло «обоседлить» 16390 кочевых хозяйств (82493 чел.), которым необходимо было оказать помощь ссудой на строительство простейшей конструкции землянок и семенников и снабдить их сельскохозяйственным инвентарем [9].

Всего планировалось создать 74 поселка с максимальным количеством в каждом 220 дворов [10]. Процесс выбора мест под поселения возлагался на улусную комиссию в составе членов улусных исполнительных комитетов, улусного земельного устроителя и мелиоратора. В своей работе она обязана была учитывать плотность населения смежных районов, их земельную обеспеченность и взаимоотношения, природные условия, необходимые для существования поселений.

В новых поселениях государством создавалась вся необходимая социально-производственная инфраструктура: 9 больниц в улусных центрах, 9 школ, 28 врачебных амбулаторий, 74 школы, 74 административных зданий для сельсоветов [11]. Намечалось также устройство искусственных водохранилищ: в каждом поселке – по 3 – 4 колодца, по 1 – 2 колодца и 1 пруду в пределах земельного надела каждого населенного пункта [12]. Для реализации проекта перевода калмыков на оседлость в смету была заложена сумма в 11232790 руб. 73 коп.

Срок выполнения проекта определялся в 5 лет, в первую очередь планировалось перевести на оседлый образ жизни в течение 3-х лет 9390 калмыцких хозяйств в Большедербетовском, Малодербетовском, Маныческом и Багацохуровском улусах, затем в течение 2-х лет – 7000 хозяйств в Яндыко-Мочажном, Хошеутовском, Калмбазаринском, Эркетеневском и Икицохуровском улусах [13].

Приступая к реализации программы перевода калмыков на оседлый образ жизни власти опасались, что резкая смена уклада жизни может негативно отразиться на демографических показателях развития калмыцкого народа. В 1925 г. в Калмыцкой автономной области работала экспедиция Наркомата здравоохранения и Государственного института социальной гигиены под руководством П.Ю. Берлина, пытавшаяся выяснить причины снижения численности калмыцкого народа и определить меры по выходу его из сложной демографической ситуации. Начальник экспедиции высказал мнение, что к переводу калмыков на оседлый образ жизни надо подходить очень осторожно, так как это «может пагубно отразиться на состоянии их здоровья» [14]. Тем не менее, все же было решено приступить к мероприятиям по переводу калмыков на оседлый образ жизни: как выразился один из руководителей области: «Калмык обоседляется, так как иначе он умрёт, а обоседляясь – тоже умирает» [15]. Успех перевода калмыков на оседлый образ жизни, по убеждению представителей советской элиты, должен был способствовать преодолению негативных тенденций в демографическом развитии калмыцкого народа и вывести его на более высокий уровень социально-культурного развития. Многие руководители области в то же предостерегали от форсирования данного процесса, высказывая мнение о том, что делать это «путём обязательных постановлений» нельзя, и что вначале необходимо подвести под него хозяйственный фундамент. Говорили они также о том, что при проведении мероприятий по переводу калмыков на оседлый образ жизни власти «должны соотноситься с тем направлением хозяйства, какое наиболее соответствует естественно-историческим условиям данного района» [16].

В 1925 г. в области был образован 21 населенный пункт, в них поселилось 736 хозяйств, из которых половина сумела построить себе дома в том же году [17]. После 1925 г. новых поселений не создавалось и оседание калмыцкого населения шло в основном в старых населенных пунктах.

С началом коллективизации в процесс создания новых поселений были внесены коррективы, направленные на решение задач переустройства сельского хозяйства на социалистических началах. Теперь выбор точек поселения и направленности их хозяйств тесно увязывались с интересами совхозного строительства, больше внимания стало уделяться формированию в новых поселениях объектов социально-культурной сферы.

По обновленному плану в период с 1931 по 1933 гг. было намечено строительство 84-х новых населенных пунктов, с поселением в каждом из них от 50 до 100 дворов. Величина поселков зависела от экономической специализации совхоза и природных условий местностей. Поселения с животноводческим уклоном хозяйства планировалось создавать в районах, где уже имелись машинно-сенные фабрики и сенофуражные базы, с земледельческо-животноводческим уклоном – на оросительных землях [18].

План предусматривал также оказание помощи в аграрной сфере: в местах новых поселений было намечено строительство 7 агрономических пунктов, 7 ветеринарных пунктов, организацию случных пунктов и племенных рассадников. На работу в них решено было направить 28 специалистов из расчёта на каждые 12 поселков – 1 агронома, 1 зоотехника, 1 ветеринарного врача и 1 ветфельдшера [19].

Благодаря помощи государства к 1932 г. удалось перевести на осёдлый образ жизни более половины всех калмыцких хозяйств, однако полуосёдлыми и кочевыми в 1932 г. продолжали оставаться ещё 43,7 % хозяев. В 1932 г. было принято решение перевести на оседлый образ жизни в течение 4-х лет 4210 кочевых хозяйств и для реализации этого плана выделены средства из государственного бюджета [20]. В 1936 г. к ним добавили ещё 300 кочевых хозяйств, которых расселили в 5 новых поселках Долбанского улуса [21].

К началу Великой Отечественной войны в результате настойчивых усилий государства процесс перевода калмыцкого народа на оседлый образ жизни в основном завершился.

Заключение

Проблема седентеризации калмыцкого народа на протяжении XIX – первой половины XX в. являлась одной из важнейших составляющих государственной политики российского руководства в Калмыкии. Перевод калмыков на оседлый образ жизни по замыслу правительства должен был создать благоприятные условия для изменения их социально-экономической структуры и управления, тем самым способствуя постепенному введению кочевого народа в российское социально-культурное пространство.

Имперские и советские власти в осуществлении политики седентаризации в Калмыкии руководствовались, прежде всего, целями инкорпорации и модернизации региона. Советское руководство, как и имперское, считало кочевой образ жизни тормозом социально-экономического и культурного прогресса, но в отличие от него, провело процедуру перевода калмыков на оседлость более решительно, в сжатые сроки и в полном объёме. Советская власть формирование сети стационарных поселений не увязывало с заселением дорог, переселением крестьян и другими задачами, выдвинутыми, как известно, программой имперского правительства в 1846 г. Новые поселения должны были укомплектовываться переходящими на оседлость кочевниками и мигрантами калмыцкого происхождения из других регионов страны. Однако практика показала, что создать полноценные стационарные поселения без привлечения кадровых и трудовых ресурсов из других регионов невозможно, поэтому кадровые и трудовые миграции сыграли большую роль в формировании социально-экономического и культурного облика новых поселений.

Важно отметить то, что в политике создания поселений в Калмыкии советская власть руководствовалась идеями и интересами социалистического переустройства жизни региона, так называемой советской модернизацией. Быстрый успех перевода калмыков на оседлость во многом объясняется большой финансовой и материальной помощью со стороны государства, чего не было в имперский период.

Успех политики седентаризации советского руководства в Калмыкии привел к кардинальным переменам в социальной структуре калмыцкого общества, укладе жизни народа, повлиял на его культуру и другие сферы жизнедеятельности, что, безусловно, способствовало интеграции калмыцкого этноса в российское и советское социокультурное пространство.

Благодарности

Статья выполнена в рамках темы НИР Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации» (0260-2014-0006)

Примечания

1. НА РК. Ф. И-7, оп. 4, д. 24, л. 31.
2. РГИА. Ф. 383, оп. 10, д. 9366 а, л. 27 об.
3. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ. Собрание 2-ое. Т. XXI. СПб., 1847, С. 725 – 726.
4. Хлынина Т.П. Политика «положительного» действия, автономия и разделенные народы на Северном Кавказе // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы. Материалы Всероссийской научно конференции 13-15 сентября 2011 г. Ростов-на-Дону. Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 191 – 195.
5. НА РК. Ф. Р-112, оп. 1, д. 53, л. 11
6. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 4.
7. НА РК. Ф. Р-112, оп. 1, д. 53, л. 33.
8. НА РК. Ф. Р-112, оп. 1, д. 53, л. 33 об. – 34.
9. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 387, л. 16.
10. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 387, л. 17 об.
11. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 387, л. 18.
12. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 387, л. 19.
13. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 387, л. 21.
14. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 702, л. 1.
15. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 702, л. 1.
16. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 702, л. 2.
17. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 667, л. 258.
18. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 702, л. 5.
19. НА РК. Ф. Р-112, оп. 1, д. 273, л. 44
20. НА РК. Ф. Р-112, оп. 1, д. 273, л. 46.
21. НА РК. Ф. Р-3, оп. 2, д. 1923, л. 6 об.

References

1. NA RK. F. I-7, op. 4, d. 24, L. 31.
2. RGIA. F. 383, op. 10, d. 9366 a, L. 27.
3. Complete collection of laws of the Russian Empire (hereafter PSZ RI. Meeting 2nd. T. XXI. SPb., 1847, Pp. 725 – 726.
4. Khlynina T. P. Policy of "positive" actions, autonomy and divided the peoples of the North Caucasus // the Caucasus Nations in the space of Russian civilization: historical experience and modern problems. Materials of all-Russian scientific conference 13-15 September 2011 Rostov-on-don. Publishing house of SSC RAS, 2011. S. 191 – 195.
5. NA RK. F. R-112, op. 1, d. 53, L. 11
6. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 1923, L. 4.
7. NA RK. F. R-112, op. 1, d. 53, L. 33.
8. NA RK. F. R-112, op. 1, d. 53, L. 33 – 34.
9. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 387, L. 16.
10. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 387, L. 17.
11. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 387, l. 18.
12. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 387, L 19.
13. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 387, L. 21.
14. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 702, L .1.
15. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 702, L. 1.
16. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 702, L. 2.
17. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 667, L. 258.
18. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 702, L. 5.
19. NA RK. F. R-112, op. 1, d. 273, L. 44
20. NA RK. F. R-112, op. 1, d. 273, L. 46.
21. NA RK. F. R-3, op. 2, d. 1923, L .6 ab.

УДК 94 (47): 073 + 084.6

Проблема седентаризации калмыцкого народа в контексте правительственных планов по модернизации его управления и социально-экономического уклада жизни (середина XIX – первая треть XX в.)

Сергей Степанович Белоусов

Институт социально-экономический и гуманитарных исследований Южного научного центра, Российской академии наук, Российская Федерация
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье на основе архивных документов рассмотрены роль и место процесса седентаризации в правительственных планах по преобразованию управления и социально-экономического уклада жизни калмыцкого народа на протяжении XIX – первой трети XX в.

Автор провел сопоставительный анализ имперской и советской моделей седентаризации калмыцкого народа, выделив их сходство и различия.

Автор отмечает, что центральные власти и в имперскую, и в советскую эпохи при проведении политики седентаризации в Калмыкии руководствовались, прежде всего, целями инкорпорации и модернизации региона.

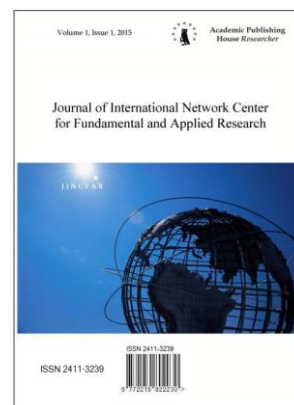
Ключевые слова: седентаризация, Калмыкия, государственная политика, кочевники, интеграция, модернизация.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-3239
E-ISSN 2413-7588
Vol. 9, Is. 3, pp. 123-128, 2016

DOI: 10.13187/jincfar.2016.9.123
www.ejournal36.com

UDC 93

The School of Ensigns' Infantry in Georgia during the First World War of 1914–1918: Historical and Statistical Research

Mamuka Gogitidze ^a, Iya Shiukashvili ^b

^aNational University named after Shota Rustaveli, Georgia

^bTelavi State University named after Jakob Gogebashvili, Georgia

Abstract

The article discusses the school of ensign's infantry in Georgia during the First world war. The attention is paid to the process of schools' formation, the preparatory process, as well as the number of trained personnel for the imperial army.

The materials for the preparation of this article were the normative-legal acts of the Russian Empire, as well as research on the topic of the publication.

The methodological basis of the study was the principles of objectivity and historicism, suggesting an unbiased approach to the analysis of the studied problems, a critical attitude to the sources, the judgments in the analysis of the totality of the facts and the screening phenomena in the development and the context of the historical situation.

In conclusion the authors note that during the war the school warrant issued approximately 108970 officers, of which 23653 were produced on the territory of the Caucasian military district.

Keywords: First World War, the school of warrant officers, the Caucasian military district.

Введение

Во время Первой мировой войны для восполнения больших потерь офицерского состава армии открыты краткосрочные военно-учебные заведения по подготовке офицеров военного времени — прапорщиков.

К концу 1914 г. уже насчитывалось 11 таких школ с 3–4-месячным сроком обучения.

Выпускники их не пользовались правами офицеров действительной службы (кадровых офицеров), не могли производиться в штаб-офицерские чины и по демобилизации армии подлежали увольнению в запас или ополчение.

Комплектовались школы прапорщиков лицами с высшим и средним образованием, годными к военной службе, студентами и вообще любыми лицами, имевшими образование хотя бы в объеме уездного или высшего начального училища, а также отличившимися на фронте солдатами и унтер-офицерами. В школы могли поступать и гражданские чиновники призывного возраста [1].

Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи послужили нормативно-правовые акты Российской империи, а также научные исследования по теме публикации.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. В ходе работы применялись общенаучные методы: логический, классификационный и др., а также такие специальные методы исследования, как историко-сравнительный, статистический.

Результаты

Школы прапорщиков готовили в основном офицеров пехоты, но было также по одной школе прапорщиков инженерных и казачьих войск.

В 1916 г. для подготовки офицеров из воспитанников высших учебных заведений выделено 12 пехотных школ прапорщиков и 1 школа прапорщиков инженерных войск на 500 человек каждая [2].

Имелось в виду построить обучение исходя из высокого образовательного уровня юнкеров. Но после одного выпуска эти школы были переформированы в школы прапорщиков общего типа [3].

Всего за время войны была открыта 41 школа прапорщиков.

К началу 1917 году в Грузии действовали: 1, 2, 3, 4-я Тифлисская, Горийская, Душетская, Телавская школы прапорщиков пехоты. Тифлисская школа прапорщиков Государственного ополчения (Кавказского фронта).

Кроме того, существовала Тифлисская школа прапорщиков Государственного ополчения (Кавказского фронта).

В мае 1916 года были открыта временная школа прапорщиков (для подготовки одного выпуска) при Тифлиском кадетском корпусе.

Душетская школа прапорщиков, сформированная приказом по военному ведомству № 571 от 25 октября 1915 года на 500 человек, произвела в 1916 году – 3 выпуска, в 1917 году – 5 выпусков.

Горийская школа прапорщиков, сформированная тем же приказом произвела в 1915 году – 1 выпуск, в 1916 году – 4 выпуска и в 1917 году – 3 выпуска

Телавская школа прапорщиков, сформированная тем же приказом произвела в 1915 году – 1 выпуск, в 1916 году – 3 выпуска и в 1917 году – 2 выпуска.

1-я Тифлисская школа прапорщиков произвела в 1915 году – 4 выпуска, в 1916 году 3 выпуска и в 1917 году – 3 выпуска.

2-я Тифлисская школа прапорщиков (летом 1917 года была переименована во Владикавказскую), в 1915 году произвела – 5 выпусков, в 1916 году – 3 выпуска и в 1917 году – 4 выпуска.

3-я Тифлисская школа прапорщиков (летом 1917 года была переименована во 2-ю Тифлисскую), в 1915 году произвела – 3 выпуска, в 1916 году – 4 выпуска и в 1917 году – 6 выпусков.

4-я Тифлисская школа прапорщиков (летом 1917 года была переименована в 3-ю Тифлисскую), в 1915 году произвела 1 выпуск и в 1917 году 1 выпуск.

Тифлисская школа прапорщиков Государственного ополчения (Кавказского фронта), произвела в 1915 году – 3 выпуска, в 1916 году – 4 выпуска и в 1917 году – 2 выпуска.

Школы Кавказского военного округа:

1-я Тифлисская школа прапорщиков: В 1915 г. — 15 февраля (365), 15 мая (374), 15 августа (471) и 15 ноября (535), в 1916 г. — 15 февраля (500), 15 мая (503) и 3 октября (483), в 1917 г. — 10 февраля (478), 14 августа (490) и 23 ноября (366).

Всего **4625** чел.; [4].

2-я Тифлисская школа прапорщиков: (с лета 1917 — Владикавказская). В 1915 г. — 17 марта (10), 1 мая (340), 27 июля (72), 1 августа (381) и 1 ноября (452), в 1916 г. — 1 февраля (470), 1 мая (427) и 1 сентября (476), в 1917 г. — 14 января (484), 1 июня (444) и 19 сентября (54).

Всего **3715** чел.; [4].

3-я Тифлисская школа прапорщиков: (с лета 1917 — 2-я Тифлисская). В 1915 г. — 1 сентября (300), 8 сентября (167) и 1 декабря (466), в 1916 г. — 1 марта (501), 1 июня (226), 1 августа (117) и 1 ноября (212), в 1917 г. — 10 января (211), 5 апреля (219), 30 мая (229), 8 августа (220), 11 сентября (61) и 14 октября (181).

Всего **3266** чел.;

Горийская школа прапорщиков: В 1915 г. — 15 октября (445), в 1916 г. — 15 января (461), 15 апреля (424), 15 июля (505) и 28 ноября (511), в 1917 г. — 14 апреля (443), 24 августа (424) и 29 августа (65).

Всего **3335** чел.; [4].

Душетская школа прапорщиков: В 1916 г. — 2 февраля (494), 5 мая (461) и 20 сентября (484), в 1917 г. — 3 февраля (443), 13 июня (244), 20 июля (254), 19 сентября (28) и 24 октября (212).

Всего **2659** чел.; [4].

Телавская школа прапорщиков: В 1915 г. — 20 декабря (492), в 1916 г. — 20 марта (547), 20 июня (558) и 1 ноября (477), в 1917 г. — 9 марта (475) и 9 августа (442).

Всего **3090** чел. [4].

Тифлисская (Кавказского фронта; летом 1915 г. — 4-я Тифлисская). В 1915 г. — 20 августа (256), 26 октября (59) и 14 ноября (339), в 1916 г. — 18 февраля (923), 2 марта (439), 21 июня (496), 30 октября (476), в 1917 г. — 2 марта (426) и 24 июля (427).

Всего **2963** чел. [4].

Душетская школа прапорщиков [5].

(До 1917 года и периода Временного правительства)

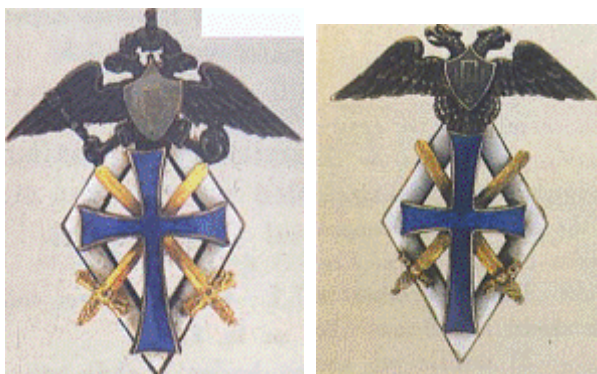
Серебряный, матовый, равносторонний прямой крест с полированным выпуклым ободком. Между лучами креста расположенные золотые скрещенные мечи. В центре креста расположен серебряный оксидированный двуглавый орел, увенчанный тремя Императорскими коронами. На груди орла расположен золотой щиток, покрытый эмалью зеленого цвета с золотыми буквами — инициалами школы «ДШ» (Душетская Школа). Верхний луч увенчан золотой Императорской короной. На нижний луч креста наложен золотой погон прапорщика пехоты с алой выпушкой и алым эмалевым просветом. На погон наложена серебряная звезда.

Горийская школа прапорщиков [5].

Знак аналогичен предыдущему. На груди орла расположен золотой щиток, покрытый эмалью красного цвета с золотыми буквами — инициалами школы «ГШ» (Горийская Школа).

Телавская школа прапорщиков [5].

Знак аналогичен предыдущему. На груди орла расположен золотой щиток, покрытый эмалью красного цвета с золотыми буквами – инициалами школы «ТШ» (Телавская Школа).

(До 1917 года и периода Временного правительства)

1-я Тифлисская школа прапорщиков [5].

Утвержден 13.10.1916 года

Золотой сквозной ромб, покрытый эмалью белого цвета. На ромб наложен золотой крест, покрытый эмалью синего цвета. Крест положен на золотые скрещенные мечи. На верхний угол ромба наложен серебряный оксидированный двуглавый орел, увенчанный двумя малыми и одной большой Императорскими коронами. На груди орла находится золотой щиток, покрытый эмалью защитного (зеленого) цвета с золотыми буквами — «1 ТШП» (1-я Тифлисская Школа Прапорщиков)

2-я Тифлисская школа прапорщиков [5].

Утвержден 13.10.1916 года

Знак аналогичен предыдущему. На груди орла находится золотой щиток, покрытый эмалью защитного (зеленого) цвета с золотыми буквами — «2 ТШП» (2-я Тифлисская Школа Прапорщиков)

3-я Тифлисская школа прапорщиков [5].

Утвержден 13.10.1916 года

Знак аналогичен предыдущему. На груди орла находится золотой щиток, покрытый эмалью защитного (зеленого) цвета с золотыми буквами — «3 ТШП» (3-я Тифлисская Школа Прапорщиков)

4-я Тифлисская школа прапорщиков [5].

Утвержден 13.10.1916 года

Знак аналогичен предыдущему. На груди орла находится золотой щиток, покрытый эмалью защитного (зеленого) цвета с золотыми буквами — «4 ТШП» (4-я Тифлисская Школа Прапорщиков)

Тифлисская школа прапорщиков Государственного ополчения (Кавказского фронта) [5].

Знак аналогичен предыдущему. На груди орла находится золотой щиток, покрытый эмалью защитного (зеленого) цвета с золотыми буквами — «ТШПГО» (Тифлисская Школа Прапорщиков Государственного Ополчения).

Заключение

Всего школы прапорщиков Кавказского военного округа в годы войны подготовили **23653** офицеров, тогда как всего в Российской империи с учетом этой цифры было подготовлено более 100000 офицеров [3].

Из-за отсутствия полных данных за 1917 г. точное число их указать невозможно. Однако известно, что до 10 мая 1917 г. из этих заведений было выпущено всего 88855 прапорщиков (в том числе 7429 из школ для студентов высших учебных заведений), причем за 10 месяцев 1917 г. (с января по октябрь) из школ подготовки прапорщиков пехоты было выпущено около 39 тыс. человек, из школы прапорщиков инженерных войск — 830 и из школы прапорщиков казачьих войск — 400 [4].

Следовательно, на время после 10 мая пришлась половина этого числа, или 20115 человек.

Завершая хочется отметить, что за время войны школы прапорщиков выпустили примерно 108970 офицеров, из которых 23653 были подготовлены на территории Кавказского военного округа. Остальное число офицеров дали ускоренные выпуски военных училищ и производство непосредственно из солдат и унтер-офицеров.

Литература

1. Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. СПб., 1880–1892. Ч. 1–3.
2. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003.
3. Полное собрание законов Российской империи. Закон № 47314.
4. Волков С.В. Выпуск офицеров из военных училищ и школ прапорщиков в годы Первой мировой войны (анализ количественных данных) // Вестник ПСТГУ. 2014. № 5 (60). С. 34-45.
5. Селиванов М. Нагрудные знаки и жетоны военных учебных заведений российской императорской армии. М., 2007.

References

1. Lalaev M.S. Istoricheskii ocherk voenno-uchebnykh zavedenii, podvedomstvennykh Glavnomu ikh upravleniyu. SPb., 1880–1892. Ch. 1–3.
2. Volkov S.V. Russkii ofitserkii korpus. M., 2003.
3. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Zakon № 47314.
4. Volkov S.V. Vypusk ofitserov iz voennykh uchilishch i shkol praporshchikov v gody Pervoi mirovoi voiny (analiz kolichestvennykh dannykh) // Vestnik PSTGU. 2014. № 5 (60). S. 34-45.
5. Selivanov M. Nagrudnye znaki i zhetony voennykh uchebnykh zavedenii rossiiskoi imperatorskoi armii. M., 2007.

УДК 93

Школы прапорщиков пехоты на территории Грузии в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.: историко-статистическое исследование

Мамука Гогитидзе ^a, Ия Шиукашвили ^b

^a Национальный университет им. Шота Руставели, Грузия

^b Телавский государственный университет им. Якоба Гогешаши, Грузия

Аннотация. В статье рассматриваются школы прапорщиков пехоты на территории Грузии в период Первой мировой войны. Уделено внимание процессу создания школ, процессу подготовки, а также количеству подготовленных кадров для императорской армии.

Материалами для подготовки статьи послужили нормативно-правовые акты Российской империи, а также научные исследования по теме публикации.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

В заключении авторы отмечают, что за время войны школы прапорщиков выпустили примерно 108970 офицеров, из которых 23653 были подготовлены на территории Кавказского военного округа.

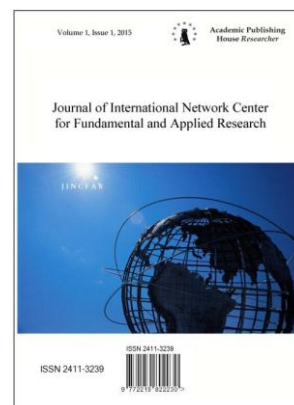
Ключевые слова: Первая мировая война, школы прапорщиков, Кавказский военный округ.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-3239
E-ISSN 2413-7588
Vol. 9, Is. 3, pp. 129-138, 2016

DOI: 10.13187/jincfar.2016.9.129
www.ejournal36.com

UDC 94

The Infrastructure of Sochi Resort in 1961–1984 years

Aleksandr M. Zaitsev ^a

^a Sochi state university, Russian Federation

Abstract

The article discusses the development of the infrastructure of Sochi resort in 1961–1984. As materials were used the documents of the archival department of administration of resort city Sochi. There was used general scientific methods (analysis, synthesis, concretization, generalization) and traditional methods of historical analysis in the solution of research tasks.

In conclusion, it can be noted that energy was the only sector that does not reflect the disproportion in the development of the city-resort, typical for that period. The development of energy sector had resulted in providing the uninterrupted supply of the Big Sochi with electricity in 1960–1975.

By 1975, almost the entire resort was careless by the telephone. But, nevertheless, the development of the above types of communication had remained one of the urgent problems of the city-resort.

At the same time, the process of expansion of water supply and sewerage networks in the study period was a clear manifestation of the imbalance between construction of resort and objects of public utility.

Keywords: resort city, Sochi, 1961–1984.

Введение

Развитие инфраструктуры курортной территории имеет важное значение как для гостей города, так и для местного населения. Уровень этого значения еще более повышается если речь идет о здравнице государственного масштаба, которой в послевоенный период был город-курорт Сочи.

Материалы и методы

В качестве материалов были использованы документы архивного отдела администрации города-курорта Сочи.

При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами.

Результаты и обсуждение

Различные аспекты развития инфраструктуры города-курорта Сочи в послевоенный период находили свое отражение в публикациях представителей региональной исторической школы. Здесь необходимо назвать работы, И.А. Ермачкова, О.В. Натолочной, А.А. Черкасова, Л.Г. Поляковой, Т.Е. Гварлиани, Н.А. Куликова и др. [1-10]

Энергетика и телефонизация. В 1961 г. энергетическое хозяйство города не обеспечивало потребностей курорта в электроэнергии. Нагрузки по городу достигали 50 тыс. кВт при мощности Краснополянской гидроэлектростанции 25 тыс. кВт. Схемой развития энергетики предусматривалось строительство ряда линий электропередач и подстанций [11]. Так, 16 апреля 1962 г. председателем Совета Министров РСФСР Д. Полянским было подписано распоряжение в котором обязывал Краснодарский совнархоз обеспечить для улучшения электроснабжения г. Сочи:

Установку в 2 квартале 1963 г. на трансформаторной подстанции Новые Сочи второго трансформатора мощностью 5,6 тыс. кВА напряжением 35/6 кВ;

Строительство и ввод в действие в 1963–1964 гг. Пасечной, Верещагинской и Пластунской трансформаторных подстанций, напряжением 35/6 кВ, в том числе Пасечной и Верещагинской в 1963 г. и Пластунской в 1964 г. [12]

Особенно напряженным было положение в Адлерском районе, где существующая подстанция по своей мощности не обеспечивала электроснабжение района. Аналогичной была ситуация в Лазаревском районе, где ассигнования выделялись но освоены не были. В 1962 г. даже медицинские пункты оставались без электрического света. Таким образом, на момент образования г. Сочи как единой курортной зоны главенствующей задачей стала электрификация включенных в Сочи районов [13]. В 1964 г. вопрос с электрификацией Адлерского района так и не был решен. Реконструкция уличного электроосвещения на трех центральных улицах района была прекращена, они находились в бесхозяйственном состоянии [14].

На 1964 г. приходится определение задач по развитию электроэнергетики Большого Сочи. Осуществлялось строительство 200 электролиний от поселка Дагомыс до Большого Сочи. При этом развитие внутригородской сети было передано на баланс ОКС [15]. Строительство подстанций в Адлерском районе было закончено в 1965 г. Совет Министров РСФСР Распоряжением от 16 апреля 1962 года [16] обязало Краснодарский Совнархоз обеспечить для улучшения электроснабжения г. Сочи строительство трансформаторной подстанции. Последняя была введена в эксплуатацию в 1965 г. в целях создания надежной энергетической базы курорта. Также велось строительство линий электропередач от станицы Тверской до Дагомыса и также мощной подстанции в Дагомысе. Таким образом, к последнему году семилетки в эксплуатацию было введено свыше 40 км кабельных и 60 км воздушных сетей [17]. На 6-ти улицах г. Сочи были установлены светильники современного типа. Всего в развитии энергетического хозяйства города в 1965 г. было вложено свыше 3 млн рублей [18]. Но по районам Большого Сочи все еще оставалось множество уличных сетей, находящихся в аварийном состоянии. Более 70-ти улиц оставалось без освещения. В удовлетворительном состоянии также находились электролинии Адлерского района, так как там даже действующие линии отличались низким напряжением. Проект составленный «Гипрокоммунстроем» [19] обещал решить вопрос электрификации Адлера через 15–20 лет. Проект этот был заказан в краевые проектные организации обеспечивающие весь город и, соответственно, не учитывающие особенности местного уровня. При этом комиссии из местного проектно-сметного бюро давали свои заключения о состоянии адлерских электролиний, но Управление электросетей признавало лишь проект, составленный «Гипрокоммунстроем». Мероприятия по улучшению энергоснабжения г. Сочи были проведены только в 1966 г. именно тогда был обеспечен ввод в эксплуатацию двух подстанций в Дагомысе, уложено более 40 км кабельных электросетей и реконструировано освещение трех улиц в Центральном районе. Значительные средства были вложены в электрификацию совхозов города. Более пяти из них с 1966 г. стали получать электроэнергию от государственной системы [20].

Столь активное развитие электроснабжения курорта было вызвано ростом госкапиталовложений в данную отрасль. Так только за 1966 г. в развитие энергетики г. Сочи только Министерством энергетики было вложено 3,7 млн рублей [21].

Решающим для развития энергетического хозяйства города стал 1973 год, благодаря вводу в эксплуатацию первой очереди подстанции «Новые Сочи» с трансформатором на 10 тыс. кВт. Полезный отпуск электроэнергии потребителям теперь достиг 620 млн кВт/ч. [22] В строительство объектов электроэнергетики в 1973 г. было вложено более 2 млн рублей. Были введены также подстанции Центральной части города. В целях электрификации сельскохозяйственной отрасли было построено еще 42 км линий электропередач [23]. В результате повышения надежности в работе подстанций и линий электропередач сочинскими энергетиками было впервые обеспечено бесперебойное удовлетворение возросших потребностей курорта в электроэнергии [24]. С 1974 г. коллектив электросетей стал возлагать на себя обязательства на подачу городу электроэнергии сверх плана. Например, в том же 1974 г. на 30 млн кВт/ч электроэнергии [25]. Таким образом, только к концу изучаемого периода план подачи электроэнергии курорту стал перевыполняться.

Итак, к 1974–1975 гг. курорт Сочи стал стабильно обеспечиваться электроэнергией полностью и бесперебойно. В девятой пятилетке на 38% увеличился ее отпуск. Одновременно было завершено строительство подстанции «Родниковая», что обеспечило с перспективой на 5–8 лет развитие промышленной зоны и главного водозабора центральной части города. Значительно возросла мощность подстанции «Дагомыс». Также было построено 45 трансформаторных и распределительных пунктов 40 км кабельных и 65 км воздушных линий электропередач [26]. Электроснабжение Лазаревского района позволило улучшить ввод в эксплуатацию в первом полугодии 1975 г. первой очереди электрической подстанции в поселке Аше к концу изучаемого периода полезный отпуск электроэнергии достиг 750 млн кВт/ч. изменения произошли практически в течение одного десятилетия [27].

Телефонизация. На 1960 г. уровень развития городских телефонных сетей был крайне неудовлетворителен, последняя коренная реконструкция телефонной сети с расширением станционной и линейной емкости происходила в 1946 г. За весь последующий период емкость практически не увеличивалась. В результате в начале 60-х гг. телефонная сеть обеспечивалась 7 районными и 1 узловой телефонной станцией, общей емкостью 4250 номеров [28]. Магистральная телефонная сеть, как узловой станции, так и районных, в большинстве своем была выполнена подземными бронированными кабелями без канализации, что ограничивало возможности увеличения емкости этих кабелей и сильно затрудняло их эксплуатацию.

Распределительная сеть также, в значительной части, была выполнена бронированными кабелями, но в большем объеме распределительные кабели на сети были подвесные. Разумеется, это в условиях города-курорта было не желательно: во-первых, это вынуждало содержать большое столбовое хозяйство, загромождающие территорию города, и, во-вторых, воздушная распределительная сеть являлась более уязвимой с точки зрения ее повреждаемости [29]. Ряд районов г. Сочи оставался не телефонизированным. Крайне медленно осуществлялось расширение междугородней телефонной связи [30]. Строительство дома связи только планировалось [31]. К 1961 г. положение фактически не было улучшено, так как ни одной телефонной заявки на окраинах Б. Сочи выполнить было невозможно. Причина заключалась в том, что Министерство связи РСФСР не обеспечивало составление проектно-сметной документации по реконструкции городской телефонной связи [32].

Какова же потребность была телефонизации? Согласно данным горплана и ЦСУ число основного населения и единовременно проживающих в г. Сочи составляло к 1963 г. – 200 тыс. чел., а к 1965 г. должно было достичь – 250 тыс. чел. Таким образом Сочи можно было отнести к городам 3-й категории, для которых было предусмотрено 5 номеров на каждые 100 жителей [33].

Согласно нормам в прибрежные районы Б. Сочи требовалось 7,5 тыс. номеров, однако по проектному заданию Тбилисского филиала «Гипросвязи», была принята станционная емкость развития для Центрального и Хостинского районов первой очереди на всего 3 тыс. номеров с распределением: 2 тыс. номеров в районе быв. аэродрома, 600 номеров в районе Н. Сочи, 400 номеров в районе Хоста [34].

С 1964 г. работы по телефонизации г. Сочи активизируются. Расширение и увеличение мощности средств связи произошло с вводом в эксплуатацию 8 ответвлений связи и 2-х подстанций АТС на 800 номеров. Прирост абонентов городской телефонной связи составил около 1100 аппаратов. Была налажена также автоматическая связь телефонная связь с Адлерским курортным районом [35].

В 1965 г. был открыт центральный почтамт; заканчивались работы по монтажу новых АТС Хостинского района и района бывшего аэродрома. Велись работы по строительству здания центральной АТС на 10 тыс. номеров. Всего за год было открыто 6 городских отделений связи. Начались работы по оснащению средств новейшей аппаратурой [36].

Высокий темп роста общей емкости городской телефонной сети начался с 1966 г. Последняя была увеличена более чем на 3 тыс. номеров. Большое значение имел ввод в эксплуатацию здания Центрального АТС на 10 тыс. номеров и центрального почтамта с коммутаторным залом на 160 каналов связи. Также было открыто 12 городских отделений связи и установлено 60 таксофонов [37]. В 1969 г. работы по телефонизации проводились в отдельных районах Б. Сочи. В Лазаревском районе была введена в эксплуатацию АТС на 100 номеров, в поселке Дагомыс и на Мамайке АТС была расширена на 400 номеров, на Пластунке – на 500 [38], на Бытхе – на 700 номеров и в Адлере – на 300 [39]. Но уровень телефонизации еще был низок, особенно в курортных пунктах и сельской местности Адлерского и Лазаревского районов.

К 1973 г. внутригородская телефонная связь значительно улучшилась. Число телефонов было увеличено на 1150. Но независимо от этого, развитие средств отставало от развития курорта в целом [40].

В 1974 г. было продолжено строительство междугородной телефонной станции. Ввод в эксплуатацию данного объекта ожидался в 1976 г. После сдачи в эксплуатацию вышеуказанного объекта любому абоненту городской телефонной связи г. Сочи со своего телефона предполагалось предоставить возможность без предварительного заказа через междугороднюю станцию набрать нужный номер телефона любого крупного города страны [41]. Это было очень важно, так как город Сочи посещало множество людей из различных уголков Советского Союза. Также было установлено более 100 междугородних телефонов-автоматов. Теперь 150 абонентов имели возможность непосредственно с городских телефонов выходить на междугороднюю связь [42]. Только в течение 1974 г. было открыто 5 новых ответвлений связи [43].

Однако в целом на 1974 г. отказы в предоставлении междугородних переговоров составили 30 %. Решение проблемы заключалось во вводе в эксплуатацию вышеуказанной междугородней телефонной станции.

Вместе с тем строительство этого важного для курорта объекта осуществлялось крайне медленными темпами. За 1973–1974 гг. из 8,4 тыс. рублей было освоено всего 1 млн 150 тыс. рублей. При таком освоении средств на скорый ввод в эксплуатацию рассчитывать не приходилось [44].

В 1975 г. начала функционировать АТС на 1500 номеров в Адлерском курортном городке. При этом Адлерский и Лазаревский районы все еще оставались слабо телефонизированными [45].

На развитие средств связи за 9-ю пятилетку было израсходовано 5 млн 400 тыс. рублей. При этом в 9 раз было увеличено количество междугородних телефонов-автоматов. Емкость АТС возросла на 6100 номеров [46].

Расширение водопровода и канализационных сетей. После указа Президиума Верховного Совета от 10 февраля 1961 г. [47] выяснилось, что состояние сооружений канализации и водопровода вновь присоединенных районов значительно отстает в развитии. Распоряжением Совета Министров РСФСР от 9 сентября 1961 г., в титульный список капитального строительства по отрасли коммунальное хозяйство было включено расширение водопровода. На эти цели выделялось 300 тыс. рублей. Финансирование производилось за счет уменьшения капиталовложения, выделенных Краснодарскому крайисполкому на ниже лимитное коммунальное строительство [48].

Особую сложность представляла собой проблема водоснабжения Лазаревского и Адлерского районов. В частности, в Адлерском районе и курортных зонах Макопсе, Лоо,

Головинка Лазаревского района водопровод вообще отсутствовал [49]. В центральной части Лазаревского района водопровод был временным, его мощность была недостаточной для обеспечения даже минимальных потребностей населения. На строительство водопровода в 1961 г. были отпущены большие средства. Весь перечень работ включался в план строительства треста «Сочиспецстрой», но темпы строительства оставались крайне низкими.

Так, в Центральном районе за 8 месяцев 1961 г. выделенные ассигнования были освоены лишь на 38%, в Адлерском районе — на 42% и в Лазаревском районе — на 35%, тем не менее, за счет увеличения мощности водозаборных сооружений на 6 тыс. куб. м и ввода в эксплуатацию магистральных сетей и водопровода, несколько улучшилось водоснабжение Центрального, Лазаревского и Хостинского районов. Так, например, в Лазаревском районе были введены в эксплуатацию две буровых скважины водопровода мощностью 2,1 тыс. метров кубических в сутки. Всего же за 1961 год было введено в эксплуатацию 11,1 км. Сети водопровода и 2,1 км. Сети канализации [50]. В целом полезный отпуск воды в 1961 г. был увеличен, по сравнению с 1960 г., на 1122 тыс. куб. м., или на 5,6 % [51].

Однако, если водопровод медленными темпами, но наращивал мощности, то о городской хозяйственно-фекальной канализации этого сказать было нельзя. Очистные сооружения имели недостаточную пропускную способность и были в состоянии произвести очистку только части всех хозяйственно-фекальных вод. В результате до 30 тыс. куб. м. сутки ежедневно сбрасывалось через глубоководные аварийные выпуски в море без очистки [52]. А в таких курортных районах, как Лазаревское, Адлер, Мамайка, Макопсе, Дагомыс и Лоо, городская канализация совершенно отсутствовала, и хозяйственно-фекальные воды сбрасывались непосредственно на пляжную полосу моря [53]. Таким образом, на 1961 г. санитарное состояние присоединенных к городу Сочи курортных территорий приблизилось к критическому.

Специальным Постановлением Совета Министров РСФСР капитальные вложения на жилищно-коммунальное строительство, материально-технические ресурсы, специальный автотранспорт и оборудование городу Сочи стали выделяться отдельной строкой [54]. Уже к 1962 г. темпы строительства сети водопровода и канализации возросли: число насосных станций увеличилось в 3,5 раза, а пропуск сточных вод в 3 раза [55]. Это происходило ввиду значительного финансирования данной отрасли на которую было затрачено в 1962 г. 938 тыс. рублей [56].

Комплексы очистных сооружений водопровода и канализации находились в эксплуатации треста «Водоканал», который осуществлял функции заказчика — технадзора по строительству сооружений водопровода и канализации, а также вел силами эксплуатационного персонала капитальный ремонт [57]. С расширением границ г. Сочи эксплуатационная, и строительная деятельность треста стала охватывать объекты на протяжении 150 км вдоль Черноморского побережья. Возникли трудности с содержанием и капитальным ремонтом городского хозяйства вошедших территорий по причине их отставания от общекурортного развития [58]. На развитие городского хозяйства в новых границах требовались значительные ассигнования. Исполком горсовета при поддержке Министерства коммунального хозяйства дал указание на объекты водопровода и канализации денежных средств не ограничивать [59]. Но проблема неосвоенных ассигнований оставалась не решенной. В Лазаревском районе на 1962 г. в лечебных пунктах все еще отсутствовали и водопровод, и канализация. Несмотря на это, Лазаревский райисполком не освоил и 50% отпущенных ассигнований. Неосвоенные Лазаревским райисполкомом средства были отправлены в Адлерский район, где сеть сооружений канализации и водопровода активно развивалась [60]. К 1964 г. именно в Адлерском районе была принята в эксплуатацию первая очередь канализации и водопровода. На строительство вышеуказанных сооружений были использованы значительные госкапиталовложения. В результате, в Адлерском районе была построена главная насосная станции, которая дала возможность подключиться к ней всем предприятиям общественного питания и другим организациям Адлерского района. Но общая проблема оставалась нерешенной, так как из отпущенных государством средств на строительство объектов водопровода и канализации по г. Сочи в 1964 г. было выделено 1120 тысяч рублей госкапиталовложений, освоено было только 733 тысячи рублей. Строительство очистных

сооружений срывалось [61].

1965 год был последним годом семилетнего плана. В этот год было введено в эксплуатации свыше 29 км водопровода и канализационных сетей [62]. Учитывая первостепенность строительства водопровода и канализации, Исполком горсовета ежегодно ставил вопрос перед Правительством о выделении крупных ассигнований на эти цели. Правительственные органы ежегодно отпускали столько средств, сколько просил город. Вышестоящие инстанции включали в план подрядных работ освоение полученных ассигнований. Получив план строительства этих первостепенных объектов городского хозяйства, основной подрядчик — трест «Сочиспецстрой» возведя их во второстепенный, распределял ассигнования по многочисленным СМУ, которые, в свою очередь, доводили их до третьестепенных и систематически, из года в год, срывали строительство. Вследствие этого, на пятый год без каких-либо оснований перешло строительство главного водозабора сооружениями в курортном поселке Лазаревское. Здесь же был приостановлен ввод в эксплуатацию насосной станции канализации. В неудовлетворительном состоянии находилось строительство большого водопровода «Головинка-Лоо» [63]. Исполком горсовета, его отдел коммунального хозяйства и трест «Водоканал», вместо повышения требований к строительным организациям, отзывали ассигнования и сокращали план ввода объектов в эксплуатацию.

1966 год характеризуется изменением ситуации в положительном направлении. Так как Совет Министров РСФСР издал Постановление «О мерах помощи Сочинскому филиалу «Гипрокоммунстрой», согласно которому, Министерство коммунального хозяйства РСФСР ежегодно стало устанавливать Сочинскому филиалу института «Гипрокоммунстрой» объем работ, ассигнования, материалы и оборудование [64]. Основным объектом, введенным в эксплуатацию, стал водопровод «Головинка – Лоо», протяженностью свыше 19 км – таким образом было улучшено водоснабжение вышеуказанных районов [65]. Всего же в 1966-1967 гг. произошло некоторое снижение темпов строительства водопроводных сетей. Так, за это время было построено и введено в эксплуатацию 24,1 км сетей водопровода и 3,8 км сетей канализации [66].

1972 год стал переломным в развитии коммунального хозяйства города, так как именно тогда были проведены мероприятия по улучшению структуры управления коммунальным хозяйством. Для подготовки профессиональных кадров данной сферы хозяйства была создана учебная база. За период 1972–1973 гг. было переподготовлено более 2 тысяч работников [67]. В 1971 г. был сдан в эксплуатацию полный комплекс очистных сооружений канализации с биологической очисткой сточных вод [68]. На 1973 год планом было предусмотрено выделение ассигнований на объекты коммунального хозяйства, которые составили 60% от всей суммы средств, выделяемых на развитие местного хозяйства [69]. Основной объем средств направлялся на развитие водоснабжения и канализование курорта. И все же к 1973 г. темпы строительства водопровода и канализации по-прежнему отставали от темпов строительства санаторно-курортных объектов. Таким образом, проявлялась диспропорция в данной отрасли городского хозяйства [70].

В целом, протяженность водопроводных и канализационных сетей увеличилась на 6,3 км. [71].

В целях развития отрасли коммунального хозяйства, в 1973 г. был осуществлен перевод всех коммунальных предприятий на новую систему планирования и экономического стимулирования. Это позволило наиболее эффективно использовать резервы повышения уровня производства [72]. К 1975 г., согласно плану, был обеспечен ввод водозаборных сооружений мощностью 20 тысяч куб. м. в сутки. Однако в Лазаревском районе все еще не было базы треста «Водоканал». В 1960–1975 гг. были канализованы и обеспечены водоснабжением Адлерский, Центральный (Мамайка), Лазаревский (Дагомыс) районы. Неудовлетворительно развита была сеть вышеуказанных объектов в Хостинском и Лазаревском районе (Магри, Аше, Лоо). Строительство коммуникационных сооружений в этих районах планом намечалось на 1978–1980 гг. [73]

В 1980 г. в целях повышения надежности в снабжении города питьевой водой, продолжено строительство магистрального водовода Головинка – Вардане – Лоо с вводом в эксплуатацию 17,7 км, чтобы обеспечить кольцевание водозаборов на реках Шахе – Сочи – Мзымта [74].

Заключение

В заключение можно отметить то, что энергетика явилась единственной отраслью, на которой не отразилась диспропорция в развитии города-курорта, характерная для того периода. Развитие энергетического хозяйства города в 1960–1975 гг. привело к обеспечению бесперебойного снабжения курорта Большой Сочи электроэнергией.

К 1975 г. практически весь город-курорт был обеспечен телефонной связью. Но, тем не менее, развитие вышеуказанного вида связи оставалось одной из актуальных проблем города-курорта.

В тоже время процесс расширения водопровода и канализационных сетей в изучаемый период явился ярким проявлением диспропорции между строительством курортных объектов и объектов коммунально-бытового назначения.

Литература

1. Зайцев А.М. Медико-санитарное обслуживание Большого Сочи в 1960–1970-е гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2008. № 3. С. 23–27.
2. Зайцев А.М. К вопросу о некоторых проблемах становления и развития г. Сочи в 1930–1970 гг. // История и историки в контексте времени. 2005. № 3. С. 96–109.
3. Натолочная О.В. Восстановление хозяйства города-курорта Сочи в 1945 – начале 1950-х гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2. С. 25–33.
4. Натолочная О.В. Сочи послевоенный: городской порядок как особенность режимного города // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2009. № 1. С. 20–24.
5. Полякова Л.Г., Черкасов А.А. К вопросу о периодических изданиях города Сочи в 1920–1985 гг.: источниковедческий аспект // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2009. № 3. С. 46–53.
6. Ermachkov I.A. Sochi resort in 1953–1960: culture development // European researcher. 2010. № 2. P. 134–137.
7. Ermachkov I.A., Cherkasov A.A., Menjkovsky V.I. Sochi transport system in 1950s – early 1960s: projects and realization // European researcher. 2011. № 4 (6). pp. 355–359.
8. Gvarliani T.E., Kozhushkina I.V. Conceptual Approach to the Management of Sustainable Development of Tourist-Recreational Subregions // Tourism Education Studies and Practice, 2015, Vol.(5), Is. 1, pp. 30–37.
9. Kulikov N.A. Big Sochi in soviet historiography of the stagnation period (1970s) // European researcher. 2010. № 1. P. 35–40.
10. Natolochnaya O.V. The Social Policy of the USSR in 1945–1953 years: the Public Health Protection // Population Processes, 2016, Vol.(2), Is. 2, pp. 46–55.
11. АОАГС. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 452. Л. 63.
12. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 696. Л. 29.
13. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 769. Л. 216.
14. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 769. Л. 219.
15. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 769. Л. 238.
16. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 696. Л. 29.
17. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 809. Л. 33.
18. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 809. Л. 37.
19. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 809. Л. 75.
20. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 861. Л. 150.
21. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 861. Л. 151.
22. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1125. Л. 41.
23. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1125. Л. 42.
24. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1125. Л. 44.
25. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1125. Л. 47.
26. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1179. Л. 49.
27. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1125. Л. 67.
28. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 719. Л. 23.
29. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 719. Л. 23.
30. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 611. Л. 186.
31. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 611. Л. 187.

32. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 639. Л. 162.
33. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 719. Л. 25.
34. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 719. Л. 26.
35. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 769. Л. 264.
36. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 809. Л. 32.
37. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 861. Л. 146.
38. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 973. Л. 77.
39. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 954. Л. 81.
40. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1125. Л. 25.
41. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1123. Л. 46.
42. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1179. Л. 48.
43. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1179. Л. 49.
44. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1179. Л. 65.
45. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1179. Л. 66.
46. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1211. Л. 26.
47. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 652. Л. 7.
48. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 652. Л. 62.
49. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 639. Л. 13.
50. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 664. Л. 5.
51. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 452. Л. 6.
52. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 639. Л. 14.
53. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 639. Л. 15.
54. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 696. Л. 100.
55. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 452. Л. 120.
56. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 664. Л. 5.
57. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 452. Л. 122.
58. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 452. Л. 142.
59. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 769. Л. 218.
60. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 769. Л. 220.
61. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 769. Л. 222.
62. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 809. Л. 24.
63. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 809. Л. 26.
64. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 562. Л. 124.
65. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 861. Л. 126.
66. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 890. Л. 110.
67. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1093. Л. 129.
68. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1093. Л. 130.
69. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1093. Л. 131.
70. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1093. Л. 133.
71. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1125. Л. 40.
72. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1125. Л. 51.
73. АОАГС. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 452. Л. 48-49.
74. АОАГС. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 1432. Л. 29.

References

1. Zaitsev A.M. Mediko-sanitarnoe obsluzhivanie Bol'shogo Sochi v 1960–1970-e gg. // *Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal*. 2008. № 3. S. 23–27.
2. Zaitsev A.M. K voprosu o nekotorykh problemakh stanovleniya i razvitiya g. Sochi v 1930–1970 gg. // *Istoriya i istoriki v kontekste vremeni*. 2005. № 3. S. 96–109.
3. Natolochnaya O.V. Vosstanovlenie khozyaistva goroda-kurorta Sochi v 1945 – nachale 1950-kh gg. // *Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal*. 2006. № 2. S. 25–33.
4. Natolochnaya O.V. Sochi poslevoennyi: gorodskoi poryadok kak osobennost' rezhimnogo goroda // *Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal*. 2009. № 1. S. 20–24.
5. Polyakova L.G., Cherkasov A.A. K voprosu o periodicheskikh izdaniyakh goroda Sochi v 1920–1985 gg.: istochnikovedcheskii aspekt // *Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal*. 2009. № 3. S. 46–53.

6. Ermachkov I.A. Sochi resort in 1953–1960: culture development // European researcher. 2010. № 2. P. 134–137.
7. Ermachkov I.A., Cherkasov A.A., Menjkovsky V.I. Sochi transport system in 1950s - early 1960s: projects and realization // European researcher. 2011. № 4 (6). pp. 355-359.
8. Gvarliani T.E., Kozhushkina I.V. Conceptual Approach to the Management of Sustainable Development of Tourist-Recreational Subregions // Tourism Education Studies and Practice, 2015, Vol.(5), Is. 1, pp. 30-37.
9. Kulikov N.A. Big Sochi in soviet historiography of the stagnation period (1970s) // European researcher. 2010. № 1. P. 35–40.
10. Natolochnaya O.V. The Social Policy of the USSR in 1945-1953 years: the Public Health Protection // Population Processes, 2016, Vol.(2), Is. 2, pp. 46-55.
11. AOAGS. F. R-148. Op. 1. D. 452. L. 63.
12. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 696. L. 29.
13. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 769. L. 216.
14. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 769. L. 219.
15. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 769. L. 238.
16. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 696. L. 29.
17. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 809. L. 33.
18. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 809. L. 37.
19. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 809. L. 75.
20. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 861. L. 150.
21. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 861. L. 151.
22. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1125. L. 41.
23. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1125. L. 42.
24. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1125. L. 44.
25. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1125. L. 47.
26. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1179. L. 49.
27. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1125. L. 67.
28. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 719. L. 23.
29. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 719. L. 23.
30. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 611. L. 186.
31. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 611. L. 187.
32. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 639. L. 162.
33. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 719. L. 25.
34. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 719. L. 26.
35. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 769. L. 264.
36. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 809. L. 32.
37. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 861. L. 146.
38. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 973. L. 77.
39. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 954. L. 81.
40. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1125. L. 25.
41. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1123. L. 46.
42. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1179. L. 48.
43. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1179. L. 49.
44. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1179. L. 65.
45. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1179. L. 66.
46. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1211. L. 26.
47. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 652. L. 7.
48. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 652. L. 62.
49. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 639. L. 13.
50. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 664. L. 5.
51. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 452. L. 6.
52. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 639. L. 14.
53. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 639. L. 15.
54. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 696. L. 100.
55. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 452. L. 120.

56. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 664. L. 5.
57. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 452. L. 122.
58. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 452. L. 142.
59. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 769. L. 218.
60. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 769. L. 220.
61. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 769. L. 222.
62. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 809. L. 24.
63. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 809. L. 26.
64. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 562. L. 124.
65. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 861. L. 126.
66. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 890. L. 110.
67. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1093. L. 129.
68. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1093. L. 130.
69. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1093. L. 131.
70. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1093. L. 133.
71. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1125. L. 40.
72. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1125. L. 51.
73. AOAGS. F. R-148. Op. 1. D. 452. L. 48-49.
74. AOAGS. F. R-137. Op. 1. D. 1432. L. 29.

УДК 94

Развитие инфраструктуры города-курорта Сочи в 1961–1984 гг.

Александр Михайлович Зайцев

Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается развитие инфраструктуры города-курорта Сочи в 1961–1984 гг. В качестве материалов были использованы документы архивного отдела администрации города-курорта Сочи. При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа.

В заключение можно отметить то, что энергетика явилась единственной отраслью, на которой не отразилась диспропорция в развитии города-курорта, характерная для того периода. Развитие энергетического хозяйства города в 1960–1975 гг. привело к обеспечению бесперебойного снабжения курорта Большой Сочи электроэнергией.

К 1975 г. практически весь город-курорт был обеспечен телефонной связью. Но, тем не менее, развитие вышеуказанного вида связи оставалось одной из актуальных проблем города-курорта.

В тоже время процесс расширения водопровода и канализационных сетей в изучаемый период явился ярким проявлением диспропорции между строительством курортных объектов и объектов коммунально-бытового назначения.

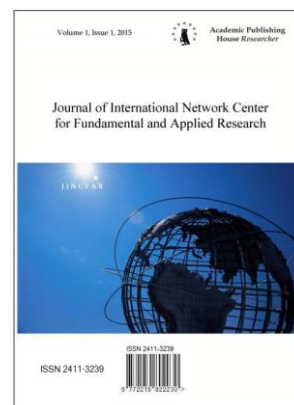
Ключевые слова: город-курорт, Сочи, 1961–1984 гг.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-3239
E-ISSN 2413-7588
Vol. 9, Is. 3, pp. 139-146, 2016

DOI: 10.13187/jincfar.2016.9.139
www.ejournal36.com

UDC 93/94

«Circassian Question»: Past in Present

Amiran T. Urushadze ^a

^a Institute of Social-Economic and Humanities Researches Southern Scientific Centre Russian Academy of Sciences, South Federal University, Russian Federation
E-mail: urushadze85@mail.ru

Abstract

The article considers a complex of various socio-political problems in the North Caucasus, combine category «Circassian question». It is shown that various elements of the «Circassian question» have objectively-historical causality. The article prepared on the basis of a series of expert interviews conducted by the author in Kabardino-Balkar Republic in 2012–2014. The discussion around the «Circassian question» affect fundamental problems of nation-building and administrative-territorial reform of all North Caucasus. The concept of creating a single Circassian Republic can be considered as part of the «Circassian question» and as a separate socio-political issue, with objective historical reasons. In other words, the «Circassian question» includes components that have their own history of formation and development logic. The resolution of these issues, in particular issues of nation-building, can take place independently as long overdue. The greatest danger fraught with precisely the marginalization of numerous contradictions. This leads to the preservation of inter-ethnic problems and fuels the conflict potential in the region.

Keywords: «Circassian question», nation-building in the North Caucasus, historical memory, Caucasian war.

Введение

После проведения Олимпиады 2014 г. в Сочи, интерес к комплексу проблем, объединенных понятием «черкесский вопрос», со стороны политических обозревателей и экспертов стал стремительно ослабевать. События в Украине, а затем и в Сирии заняли место основных тем российского общественно-политического дискурса, сильно потеснив внутрироссийские проблемы и противоречия политического развития. Это касается и «черкесского вопроса», потерявшего место в информационном потоке и оказавшегося на обочине общественного внимания.

Несмотря на активное обсуждение «черкесского вопроса» на протяжении уже нескольких лет до сих пор отсутствует определенность в содержании этой проблемы, определении ее составных частей и элементов. О.М. Цветков в одной из своих работ, посвященных «черкесскому вопросу», предлагает понимать под ним «актуальные для адыгских (т.е., адыгейских, кабардинских и черкесских) этнических активистов проблемы, которые в форме политически окрашенных требований активно транслируются ими в

публичное социально-политическое пространство и находят сочувствие и отклик в адыгской этнической среде» (Цветков, 2011: 74–92).

Авторы итогового отчета исследовательского проекта «"Черкесский вопрос": национальное движение в современной России», выполненного НП «Кавказское сотрудничество», рассматривают актуализацию «черкесского вопроса» в контексте развития черкесского национального движения. В частности эксперты отмечают, что «в Кабардино-Балкарии "черкесский вопрос" оказывается тесно связан с противостоянием между кабардинской и балкарской общинами республики. В Карачаево-Черкесии он служит инструментом продвижения интересов и озабоченностей черкесского меньшинства» («Черкесский вопрос»: национальное движение в современной России. Личный архив автора).

Наряду с подобными профессиональными оценками, основанными на социологических замерах и сборе обширного полевого материала, в сети Интернет, в недрах блогосферы в изобилии можно встретить иные версии основного содержания «черкесского вопроса».

Содержательные структуры «черкесского вопроса» формируются во многом произвольно, включение и исключение различных аспектов темы происходит под влиянием текущей конъюнктуры или диктуется оттенками профессиональной специализации публицистов, ученых, экспертов. Такое противоречивое развитие дискуссии по «черкесскому вопросу» стало возможным ввиду того, что обсуждение так и не покинуло область остроактуальной и политизированной полемики.

Экспертным сообществом отмечается, что для полноценного выхода «черкесского вопроса» на качественно иной уровень дискуссии необходимо не только определение самого понятия и его составляющих, но и выделение отличительных черт «черкесского вопроса» в ряду до известной степени схожих проблем, в частности армянской и еврейской (Полевые материалы автора (далее – ПМА). Интервью с Р.Г. Ошроевым).

Невозможно отрицать ведущую роль узкого круга адыгских общественных лидеров в политизированной актуализации «черкесского вопроса». Едва ли не основной площадкой для его обсуждения стал Центр черкесской культуры в Тбилиси, которым был организован ряд конференций на тему истории грузино-черкесских этнокультурных связей. Большой резонанс имела научно-практическая конференция «Сокрытые нации, делящиеся преступления: черкесы и народы Северного Кавказа между прошлым и будущим», которая была организована Jamestown Foundation и прошла в Тбилиси 20–21 марта 2010 г. Несмотря на эти особенности репрезентации в информационном пространстве, «черкесский вопрос» невозможно считать только лишь идеологическим конструктом. В его основе лежат различные исторические обстоятельства, связанные с процессом инкорпорации Северного Кавказа в состав Российской империи и национальной политикой советской власти. Это то актуальное прошлое, которое продолжает присутствовать в настоящем. С исторической точки зрения «черкесский вопрос» и некоторые другие пересекающиеся с ним политико-общественные проблемы современного Северного Кавказа представляют собой сложный конгломерат ментальных травм, политизация которых может привести к серьезным потрясениям. В статье представлен краткий обзор генезиса объективной стороны «черкесского вопроса».

Материалы

Источниковой базой исследования послужил ряд интервью с историками, политологами и общественными деятелями Кабардино-Балкарской Республики, проведенные в этом северокавказском регионе в 2012–2014 гг.

Обсуждение и результаты

Современный этап развития национальных движений на Северном Кавказе был бы невозможен без ослабления партийно-идеологического контроля на излете истории СССР, а затем и полного демонтажа советской системы. Старая партийно-номенклатурная элита уступала свои позиции представителям национальной научной и художественной интеллигенции, а в других случаях военным. На этой волне в регионе одновременно начали

реализовываться множество конкурирующих между собой просветительско-возрожденческих проектов, среди которых можно выделить и черкесский (адыгский). В ходе общественных дискуссий активно обсуждалась проблема перехода к новому постсоветскому этапу национально-государственного строительства на Северном Кавказе. При этом значительная часть адыгской общественности и политической элиты долгое время занимала консервативные позиции в этом вопросе. Впервые о необходимости изменения административно-территориальных границ края в интересах полноценного развития адыгоязычного населения было заявлено на I съезде причерноморских адыгов 1 декабря 1990 г. Здесь было провозглашено создание Шапсугского национального района в составе РСФСР и в границах традиционного расселения шапсугов от пос. Головинка Лазаревского района до пос. Новомихайловского Туапсинского района (Хлынина, 2013: 110).

Уже на II съезде причерноморских адыгов (30 ноября – 1 декабря 1991 г.) его участники обсуждали идею создания Великой Шапсугии от Сочи до Анапы. Прозвучавшие здесь выступления стали основой для формирования концепции восстановления Великой Черкесии, которая должна была включать в свой состав три адыгские республики, южные районы Краснодарского и Ставропольского краев. Если адыгская интеллектуальная элита ограничивалась требованиями и провозглашала намерения, то представители других северокавказских народов зачастую отстаивали право на самоопределение более последовательно и решительно.

Так, ввиду затянувшегося процесса восстановления четырех балкарских районов, упраздненных в период депортации балкарцев, уже 17 ноября 1991 г. на Съезде балкарского народа, который объединил представителей общественных организаций и балкарских поселений – было объявлено о создании Республики Балкария в составе РСФСР. В качестве высшего органа власти балкарского народа был избран Национальный Совет во главе с Председателем Б.К. Чабдаровым. Интересно, что на состоявшейся 19 ноября 1991 г. Чрезвычайной сессии Верховного Совета КБССР депутаты и представители общественных организаций отнеслись к провозглашению Балкарии благожелательно и почти единодушно поддержали своих соседей. Но вскоре в Кабардино-Балкарии началось становление фактически авторитарного или по другой терминологии «неосултанистского» (Дерлугьян, 2010: 74) режима власти президента В.М. Кокова. Заручившись поддержкой федерального центра, республиканская администрация заявила о принципиальной невозможности изменения конфигурации КБР. В преодолении центробежных тенденций большую роль сыграл Временный координационный совет Движения за сохранение единой Кабардино-Балкарии, в который вошли авторитетные представители власти и общественности: Г.С. Губин, М.И. Докшонов и М.Ч. Залиханов (ПМА. Интервью с N).

Стабилизировав положение в КБР В.М. Коков, нейтрализовал общественные организации республики. Спаду общественной активности в Кабардино-Балкарии в еще большей степени, чем установление новых патронажных сетей способствовало катастрофическое падение уровня жизни населения. В этих условиях быстро нарастала не только общественно-политическая, но этнокультурная апатия адыгского этноса, в конечном счете, выразившаяся в кризисе этнической идентичности адыгов (Кажаров, 2012). На V съезде шапсугов (30 марта–1 апреля 2002 г.) требование создания Шапсугского национального района было снято. Показательно, что основными темами собрания стали экологические проблемы и вопросы, связанные с благоустройством адыгских аулов.

Возвращение к активному общественному обсуждению идеи создания/восстановления Черкесии было отмечено на Чрезвычайном съезде черкесского народа, который проходил в Черкесске 23 ноября 2008 г. В ходе мероприятия делегаты молодежного съезда озвучили предложение по созданию единой Черкесской Республики в составе РФ, путем административно-территориального укрупнения.

Представляется, что в основе периодически звучащих требований о создании единой Черкесии лежит, в том числе и ряд объективно-исторических факторов.

Наиболее острой стороной «черкесского вопроса» является проблема геноцида адыгов, который связывают с событиями Кавказской войны и трагедией мухаджирства (Касумов, Касумов, 1992: 9). В «Обращении к народам Кавказа» (18 мая 1994 г.) президента России Б.Н. Ельцина было отмечено, что события Кавказской войны были «мужественной борьбой народов Кавказа не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение

самобытной культуры, лучших черт национального характера» (Обращение президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина к народам Кавказа, 1994). В документе заявлялось: «Пусть память о тех давних трагических событиях хранится в сердцах потомков и служит всем нам предостережением от новых трагедий» (Обращение президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина к народам Кавказа, 1994).

Но «Обращение» не стало основой государственной исторической политики. Б.Н. Ельцин стал первым и пока последним российским президентом, публично оценившим сущность событий Кавказской войны и выселения горцев. Региональные российские власти в Краснодарском и Ставропольском краях уже с начала 2000-х гг. реализуют совершенно иную программу в сфере исторической политики. В 2003 г. в пос. Лазаревское был восстановлен памятник адмиралу М.П. Лазареву, который в годы Кавказской войны участвовал в блокаде Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа. Открытие памятника состоялось несмотря на протесты местного адыгского населения. В 2008 г. в Минеральных Водах был установлен памятник генералу А.П. Ермолову – одной из самых спорных фигур в истории Кавказской войны. В 2010 г. в Пятигорске был торжественно открыт еще один памятник А.П. Ермолову. Установление памятников А.П. Ермолову проходило при активном участии казачьих организаций Северного Кавказа, а пятигорский монумент, по мысли его создателей, символизирует объединение всех казаков края.

Перечисленные памятники воспринимаются адыгским населением Северного Кавказа как символы российского покорения, завоевания. Одновременно с победой идеи державности в дискурсе региональных властей и стремительном символическом превращении Краснодарского края в «край казачий» произошла радикализация настроений и требований адыгской общественности. И это тоже отразилось в установлении памятников. В 2012 г. на территории Грузии в пос. Анаклия был открыт «Мемориал памяти жертв геноцида Черкесов (Адыгов)». В церемонии открытия принимали участия черкесские делегации со всего мира, в том числе и российского Северного Кавказа. Отвечая на вопрос «Что вы понимаете под геноцидом черкесов?» – автор мемориала, черкесский скульптор из КБР Х. Кочесоков ответил: «Черкесия была большой страной. А сейчас ее нет. Это и есть геноцид» (Кочесоков, 2012). Таким образом, геноцид черкесов оказывается гибелью единой Черкесии, историческое существование которой является одним из мотивов в требованиях создания в границах России Черкесской Республики.

Ежегодно 21 мая в Нальчике, Майкопе и Черкесске проходят траурные мероприятия в память о погибших в годы Кавказской войны. В «адыгских» регионах это один из наиболее значимых памятных дней. В официальной газете Парламента и Правительства КБР – «Кабардино-Балкарская правда» в номере от 21 мая 2014 г., почти целиком посвященном 150-летию окончания Кавказской войны, была опубликована статья главы общественной организации «Адыге Хасэ» КБР М.М. Хафицэ «История необратима». В ней автор отмечает, что «историческая память о минувших трагических днях по-прежнему жива, рана, нанесенная войной, еще не зажила, ибо ее последствия по настоящее время испытывают современные кабардинцы, адыгейцы, черкесы, шапсуги. Над ними как дамоклов меч висит непреходящее чувство моральной ущемленности, исторической несправедливости и обиды, так как продолжается политика замалчивания суровой правды о Кавказской войне, о трагедии, постигшей адыгский этнос» (Хафицэ, 2014: 2). День памяти жертв Кавказской войны является частью только регионального памятного календаря. В этой связи историк О.А. Жанситов заметил: «Игнорирование этих мероприятий федеральным центром придает им как бы местечковый характер, понижает статус и значимость» (Жанситов, 2013: 96). В этих условиях установление памятников А.П. Ермолову в городах Северного Кавказа воспринимается адыгами особенно болезненно. Память о Кавказской войне воспроизводится на Северном Кавказе в виде различных и конкурирующих версий прошлого. Это символическое противостояние придает проблеме геноцида адыгов перманентный характер, сохраняет возможность этнической мобилизации на основе не преодоленной травмы исторической памяти.

В современных условиях развития антропогенной цивилизации и тотальных глобализационных процессов мы продолжаем сталкиваться с «этническим парадоксом современности», смысл которого заключается в живучести этноса. В случае адыгов эта живучесть проявляется в спорадически наблюдаемой единой идентификации. Далее

процитируем фрагмент одного из экспертных интервью: «Если спросить на русском языке, то исходя из влияния спрашивающего, человек может назвать себя кабардинцем, но если этот вопрос будет задан соплеменником на адыгском, непременно последует ответ: “Я адыг”. На это часто не обращают внимание. Но определение собственной идентичности очень часто носит ситуативный характер и зависит от конкретных обстоятельств» (ПМА. Интервью с Р.Г. Ошроевым). В дополнение приведем еще одну экспертную оценку степени универсальности/дискретности общеадыгской идентичности: «Вообще, каждый решает для себя этот вопрос индивидуально. Для кого-то это важный компонент повседневной жизни, а для кого-то пустой звук» (ПМА. Интервью с А.Н. Таковой).

Идея адыгского единства это не просто пиар общественных лидеров и публицистов. Чувство этнической солидарности фиксируется и в повседневной жизни части населения «адыгских» регионов Северного Кавказа. Советский эксперимент по формированию отдельных идентичностей (адыгейцев, кабардинцев, черкесов) взамен общеадыгской был прерван и не завершился. Этим объясняется масштабный кризис идентичности, переживаемый адыгами в постсоветский период, о котором В.Х. Кажаров писал как об «этнической смерти» (Кажаров, 2012: 61). Но очевидно, что какими бы смутными не были общественные представления об общей родине адыгов, их этнокультурном единстве – они сохраняются, являясь одной из причин периодической актуализации идеи Великой Черкесии. Возвращение к модели Великой Черкесии как общего дома адыгов полностью соответствует определению главной движущей силы национализмов, которое представлено в известной работе Э. Кедури «Национализм»: «Говоря простым языком, речь идет о желании жить вместе тесной и единой общиной» (Кедури, 2010: 29).

Советская национальная политика выстраивалась на основе двух принципов – марксизм и модернизация (Мартин, 2011: 14–17). Первый из означенных принципов предполагал, что национальная идеология это опасное оружие в руках буржуазии, которая прикрываясь национальной фразеологией способна сформировать надклассовый альянс с пролетарскими слоями общества. Буржуазия и дворянство, по мнению лидеров большевиков, могут использовать национализм в качестве маскировки своих узкоклассовых интересов. Дабы не допустить формирования надклассового альянса В.И. Ленин и И.В. Сталин последовательно во внутрипартийных дискуссиях отстаивали необходимость лозунга о праве наций на самоопределение. Этот лозунг был тем самым инструментом, который обеспечивал профилактику «поползновений контрреволюционных элементов» к складыванию надклассового альянса.

Для лидеров первого советского правительства стала большой неожиданностью популярность национальных идей и национализма, которая проявилась повсеместно на окраинах рухнувшей Российской империи. Национализм был признан объективной исторической реальностью, с которой необходимо было считаться. Развитие национализма согласно теоретическим построениям советских лидеров являлось неизбежным этапом исторического пути. Такое допущение мотива национального в социальную жизнь и социальные отношения привело большевиков к выводу о необходимости содействия развитию всех оттенков национального в советском государстве. Содействовать скорейшему развитию национального должна была политика комплексной модернизации. Помогая национализму развиваться, большевики надеялись, что достигнув своего полного расцвета, это явление естественным образом себя исчерпает, пойдет на спад и, в конце концов, отомрет.

Известный исследователь Т. Мартин выделил четыре формы существования нации в советском государстве: территория, элита, культура, язык. Развитие указанных форм национального составляло основное содержание советского нацистроительства.

Сложившаяся в советский период на Северном Кавказе негласная система национального паритета в органах местной власти в значительной степени исчерпала свой потенциал. Более того, можно сказать, что дальнейшее воспроизводство на Кавказе неформального «ливанского протокола» таит в себе едва ли не больше угроз, чем отказ от него. И в Карачаево-Черкесии и в Кабардино-Балкарии представители «вторых» титульных наций продолжают высказывать резкое неприятие законсервированной системой национального паритета, в то время как этническое большинство республик видят в сохранении этой системы залог стабильного развития. При этом часто указывается на то,

что представители черкесов в органах власти КЧР или балкарцев во властных структурах КБР не имеют абсолютно никакого влияния на принятие важных решений, касающихся политической, социально-экономической жизни республик. Для иллюстрации данного тезиса обратимся к материалам интервью: «Балкарцы обращались к “своим” во власти и по вопросу о межселенных территориях, но эти личности заявляли, что ничем помочь не могут и ничего не решают. Система отбирает тех, кто готов сотрудничать, отбирает лояльных. К балкарским депутатам в парламенте и к спикеру парламента население относится как к марионеткам. Они должны играть там свою роль, и они ее играют. Вот и все, к сожалению» (ПМА. Интервью с N). С зеркальной точностью такое же положение дел наблюдается в КЧР.

Несмотря на объективный характер описанных проблем, пока они не имеют ведущей или даже значимой роли в жизни широких слоев адыгского или балкарского населения региона. Их обсуждение не выходит за рамки довольно узкой прослойки общественных активистов и интеллектуалов. В этой связи необходимо отметить абсурдность убеждений о деятельности адыгских общественных организаций как об угрозе российскому суверенитету на Северном Кавказе. Наиболее красноречиво это было выражено одним из наших собеседников: «Население и понятия не имеет о существовании данной организации (Международная черкесская ассоциация – А.У.), о ее лидерах, о местонахождении офиса структуры, не говоря уже о целях и задачах общественной организации» (ПМА. Интервью с Р.Г. Ошроевым). И далее: «...данные организации не имеют ни достаточных ресурсов, ни тем более достаточного числа сторонников. И в перспективе это исключено» (ПМА. Интервью с Р.Г. Ошроевым). Угрозу российскому суверенитету на Северном Кавказе следует искать не в деятельности общественных организаций, а в изъянах и противоречиях региональной и федеральной политики.

Заключение

Дискуссии вокруг «черкесского вопроса» затрагивают фундаментальные проблемы национально-государственного строительства и административно-территориального реформирования всего, а не только адыгоязычного Северного Кавказа. Концепции создания единой Черкесской Республики можно рассматривать и как часть «черкесского вопроса» и как отдельную общественно-политическую проблему, имеющую объективные исторические основания. Другими словами «черкесский вопрос» включает в себя компоненты, имеющие собственную историю формирования и логику развития. Разрешение этих проблем, в частности вопросов национально-государственного строительства, может проходить самостоятельно как давно назревшая необходимость. Наибольшую опасность на наш взгляд таит в себе именно маргинализация, описанных выше противоречий. Это приводит к консервации межэтнических проблем и подпитывает конфликтный потенциал региона.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации Государственного задания на 2016 г. № 007-01114-16 ПР, проект «Геополитические трансформации в Каспийско-Черноморском регионе: инструменты поддержания нестабильности» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН № I.13 «Пространственное развитие России в веке: природа. Общество и их взаимодействие. Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья», номер проекта АААА-А15-115102010113-6, 0256-2015-0083.

Литература

1. Дерлугьян Г.М. Адепт Бурдые на Кавказе. Эскизы к биографии в миротемной перспективе. М., 2010. 560 с.
2. Жанситов О.А. После геноцида: перспективы реабилитации этноса // Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления. Материалы круглого стола. Нальчик: «Тетраграф», 2013. С. 89–101.
3. Кажаров В.Х. Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. 84 с.

4. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик: «Логос», 1992. 202 с.
5. Кедури Э. Национализм. СПб.: Алетейя, 2010. 136 с.
6. Кочесоков Х. Я люблю свой народ, знаю, что мы пережили и хочу хоть что-то для него сделать / [Электронный ресурс] / сайт URL: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2656&Itemid=1 (Дата обращения: 25.06.13).
7. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 855 с.
8. Обращение президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина к народам Кавказа / [Электронный ресурс] / сайт URL: <http://www.memo.ru/d/126936.html> (дата обращения: 15.10.2016).
9. ПМА. Интервью с Н.
10. ПМА. Интервью с А.Н. Таковой.
11. ПМА. Интервью с Р.Г. Ошроевым.
12. Хафицэ М.М. История необратима // Кабардино-Балкарская правда. 2014. № 94–95. С. 2.
13. Хлынина Т.П. Шапсугская проблема в зеркале экспертного мнения // Нации и государство на Северном Кавказе: проблемы взаимодействия / Под ред. Т.П. Хлыниной. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 103–151.
14. «Черкесский вопрос»: национальное движение в современной России. Личный архив автора.
15. Цветков О.М. «Черкесский вопрос»: этноидеологические вызовы гражданскому единству // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН / Отв. редактор В.В. Черноус. Вып. 69. М. Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2011. С. 74–92.

References

1. Derlug'jan G.M. Adept Burd'e na Kavkaze. Jeskizy k biografii v mirosistemnoj perspective [Adept Bourdieu in the Caucasus. Sketches for a biography in world-system perspective]. М., 2010. 560 p. [in Russian]
2. Zhansitov O.A. Posle genocida: perspektivy reabilitacii jetnosa [After the genocide: perspectives of rehabilitation of the ethnic group] // Cherkesskij vopros: opyt, problemy, perspektivy nauchnogo osmyslenija. Materialy kruglogo stola. Nal'chik: «Tetragraf», 2013. P. 89–101. [in Russian]
3. Kazharov V.H. Istoriografija i istoricheskoe soznanie kabardincev vo vtoroj polovine XX – nachale XXI v. [Historiography and historical consciousness of the Kabardians in the second half of XX – beginning of XXI century] Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2012. 84 p. [in Russian]
4. Kasumov A.H., Kasumov H.A. Genocid adygov. Iz istorii bor'by adygov za nezavisimost' v XIX veke [The genocide of the Circassians. From the history of the struggle of the Circassians for independence in the nineteenth century]. Nal'chik: «Logos», 1992. 202 p. [in Russian]
5. Keduri Je. Nacionalizm. SPb.: Aletejja, 2010. – 136 p. [in Russian]
6. Kochesokov H. Ja ljublju svoj narod, znaju, chto my perezhili i hochu hot' chto-to dlja nego sdelat' [I love my people, know what we experienced and want something to do for him] / [Electronic resource] URL:http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2656&Itemid=1 (date of the address: 25.06.13). [in Russian]
7. Martin T. Imperija «polozhitel'noj dejatel'nosti». Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939. [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939] М.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2011. 855 p. [in Russian]
8. Obrashhenie prezidenta Rossijskoj Federacii B. N. El'cina k narodam Kavkaza [Message from the President of the Russian Federation B. N. Yeltsin to the peoples of the Caucasus] / [Electronic resource] / URL: <http://www.memo.ru/d/126936.html> (date of the address: 15.10.2016). [in Russian]
9. PMA. Interv'ju s N [Field materials of the author. Interview with N].

10. PMA. Interv'ju s A.N. Takovoj [Field materials of the author. Interview with A.N. Takova].
11. PMA. Interv'ju s R.G. Oshroevym [Field materials of the author. Interview with R.G. Oshroev].
12. Haficje M.M. Istorija neobratima [History irreversible] // Kabardino-Balkarskaja pravda. 2014. № 94–95. P. 2. [in Russian]
13. Hlynina T.P. Shapsugskaja problema v zerkale jekspertnogo mnenija [Shapsug problem in the mirror of expert opinion] // Nacii i gosudarstvo na Severnom Kavkaze: problemy vzaimodejstvija / Pod red. T.P. Hlyninoj. Rostov n/D: Izd-vo JuNC RAN, 2013. P. 103–151. [in Russian]
14. «Cherkesskij vopros»: nacional'noe dvizhenie v sovremennoj Rossii. Lichnyj arhiv avtora [The "Circassian question": the national movement in modern Russia. The personal archive of the author]. [in Russian]
15. Cvetkov O.M. «Cherkesskij vopros»: jetnoideologicheskie vyzovy grazhdanskomu edinstvu [The "Circassian question": etnoideological challenges to civil unity] // Juzhnorossijskoe obozrenie Centra sistemnyh regional'nyh issledovanij i prognozirovaniya IPPK JuFU i ISPI RAN / Otv. redaktor V.V. Chernous. Vyp. 69. M. Rostov n/D.: Social'no-gumanitarnye znanija, 2011. P. 74–92. [in Russian]

УДК 93/94

«Черкесский вопрос»: прошлое в настоящем

Амиран Тариелович Урушадзе ^a

^a Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Южный федеральный университет, Российская Федерация
E-mail: urushadze85@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается комплекс различных общественно-политических проблем Северного Кавказа, объединяемых номинацией «черкесский вопрос». Показано, что различные элементы «черкесского вопроса» имеют объективно-историческую обусловленность. Статья подготовлена на основе серии экспертных интервью, проведенных автором в Кабардино-Балкарии в течение 2012–2014 гг. Дискуссии вокруг «черкесского вопроса» затрагивают фундаментальные проблемы национально-государственного строительства и административно-территориального реформирования всего, а не только адыгоязычного Северного Кавказа. Концепции создания единой Черкесской Республики можно рассматривать и как часть «черкесского вопроса» и как отдельную общественно-политическую проблему, имеющую объективные исторические основания. Другими словами «черкесский вопрос» включает в себя компоненты, имеющие собственную историю формирования и логику развития. Разрешение этих проблем, в частности вопросов национально-государственного строительства, может проходить самостоятельно как давно назревшая необходимость. Наибольшую опасность таит в себе именно маргинализация многочисленных противоречий. Это приводит к консервации межэтнических проблем и подпитывает конфликтотенциал региона.

Ключевые слова: «Черкесский вопрос», национальное строительство на Северном Кавказе, историческая память, Кавказская война.